

Марина ЦВЕТАЕВА

ПОВЕСТЬ
О СОНЕЧКЕ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2014

Часть первая

ПАВЛИК И ЮРА

Elle était pâle — et pourtant rose,
Petite — avec de grands cheveux...¹

Нет, бледности в ней не было никакой, ни в чем, все в ней было — обратное бледности, а все-таки она была — *pourtant rose*², и это одновременно будет доказано и показано.

Была зима 1918—1919 года, пока еще зима 1918 года, декабрь. Я читала в каком-то театре, на какой-то сцене, ученикам Тре-

¹ Она была бледной — и все-таки розовой, Малюткой — с пышными волосами (*фр.*). (Здесь и далее — перевод М. И. Цветаевой.)

² все-таки розовой.

твей студии свою пьесу «Метель». В пустом театре, на полной сцене.

«Метель» моя посвящалась: «Юрию и Вере З.¹, их дружбе — моя любовь». Юрий и Вера были брат и сестра, Вера в последней из всех моих гимназий — моя соученица: не одноклассница, я была классом старше, и я видела ее только на перемене: худого кудрявого девического щенка, и особенно помню ее длинную спину с полуразвитым жгутом волос, а из встречного видения, особенно — рот, от природы — презрительный, углами вниз, и глаза — обратные этому рту, от природы смеющиеся, то есть углами вверх. Это расхождение. линий отдавалось во мне неизъяснимым волнением, которое я переводила ее красотой, чем очень удивляла других, ничего такого в ней не находивших, чем безмерно удивляли — меня. Тут же ска-

¹ Завадский Ю. А. (1894—1977) — актер и режиссер и его сестра Вера Алексеевна (1895?—1930).

жу, что я оказалась права, что она потом красавицей — оказалась и даже настолько, что ее в 1927 году, в Париже, труднобольную, из последних ее жил тянули на экран.

С Верой этой, Вере этой я никогда не сказала ни слова и теперь, девять лет спустя школы, надписывая ей «Метель», со страхом думала, что она во всем этом ничего не поймет, потому что меня, наверное, не помнит, может быть, никогда и не заметила.

(Но почему Вера, когда Сонечка¹? А Вера — корни, доистория, самое давнее Сонечкино начало. Очень коротенькая история — с очень долгой доисторией. И поисторией.)

Как Сонечка началась? В моей жизни, живая, началась?

Был октябрь 1917 года. Да, тот самый. Самый последний его день, то есть первый по окончании (заставы еще догромыхивали).

¹ Софья Евгеньевна Голлидэй (1896—1935), актриса.

Я ехала в темном вагоне из Москвы в Крым.
Над головой, на верхней полке, молодой
мужской голос говорил стихи. Вот они:

И вот она, о ком мечтали деды
И шумно спорили за коньяком,
В плаще Жиронды, сквозь снега и беды,
К нам ворвалась — с опущенным штыком!

И призраки гвардейцев-декабристов
Над снеговой, над пушкинской Невой
Ведут полки под переклик горнистов,
Под зычный вой музыки боевой.

Сам Император в бронзовых ботфортах
Позвал тебя, Преображенский полк,
Когда в заливах улиц распростертых
Лихой кларнет — сорвался и умолк...

И вспомнил он, Строитель Чудотворный,
Внимая петропавловской пальбе —
Тот сумасшедший — странный —

непокорный, —

Тот голос памятный: «Ужо Тебе!»

— Да что же это, да чье же это такое,
наконец?

лик — он. Он, правда, маленький, но совсем не карлик.

...Единая — под множеством имен...

Первое, наипервейшее, что я сделала, вернувшись из Крыма, — разыскала Павлика. Павлик жил где-то у Храма Христа Спасителя, и я почему-то попала к нему с черного хода, и встреча произошла на кухне. Павлик был в гимназическом, с пуговицами, что еще больше усиливало его сходство с Пушкиным-лицеистом. Маленький Пушкин, только — черноглазый: Пушкин — легенды.

Ни он, ни я ничуть не смутились кухни, нас толкнуло друг к другу через все кастрюльки и котлы — так, что мы — внутренно — звякнули, не хуже этих чанов и котлов. Встреча была вроде землетрясения.

П.Г. Антокольский. 1920-е годы

По тому, как я поняла, кто он, он понял, кто я. (Не о стихах говорю, я даже не знаю, знал ли он тогда мои стихи.)

Простояв в магическом столбняке — не знаю сколько, мы оба вышли — тем же черным ходом, и заливаясь стихами и речами...

Словом, Павлик пошел — и пропал. Пропал у меня, в Борисоглебском переулке, на долгий срок. Сидел дни, сидел утра, сидел ночи... Как образец такого сидения приведу только один диалог.

Я, робко:

— Павлик, как вы думаете — можно назвать — то, что мы сейчас делаем — мыслью?

Павлик, еще более робко:

— Это называется — сидеть в облаках и править миром.